

ТО, ЧТО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО СВЫШЕ

— Ты, Туфан, говори что хочешь, но судьба человека в момент его рождения уже предопределена. Не знаю, кто там это решает, но то, что всё уже решено — это несомненно. Ведь даже в песне об этом поётся:

*Гуси дикие кричат
Над туманной рекой Белой;
Что нам суждено, друзья,
Уж известно в день рождения...*

Вот возьмём, к примеру, мою жизнь. Не помню, сколько мне тогда было, но первую свою встречу с соседской девчонкой — она была младше меня — помню хорошо. Я гордо стоял возле своих ворот, засунув руки в карманы штанишек, когда она подошла ко мне. Подошла и начала рассматривать меня во все глаза.

Я сказал ей: «Иди от наших ворот!» — а она ни с места...

Тогда я её толкнул, и она упала. Начала реветь. Помню, что из дома вышла моя мама и сильно меня отругала: «Зачем её обижаешь, она же наша соседка».

Прошло какое-то время, я пошёл в первый класс, и в первый же день ко мне прицепили эту девчонку: «Идите вместе, потом вместе вернётесь».

Но я слушать их не стал и, как только мы завернули за угол, я бросил девчонку и побегал. Однако она отставать не захотела — побежала рядом. Разозлившись на то, что она не отстаёт, я прямо на ходу сбил её с ног. На этот раз она не стала плакать. А быстро поднялась и догнала меня. Я хотел было дать ей подножку и снова свалить её с ног, но споткнулся и упал сам. Чуть не расплакался даже. А эта девчонка давай меня поднимать! Я прямо взбесился. Вскочил и как дам ей сумкой по башке! Думал, что теперь-то она разревётся, но куда там — она так и осталась стоять на дороге с удивлённым видом.

Чего только я не выделывал, чтобы отвадить от себя эту девчонку! Дразнил её при мальчишках обидными прозвищами. Щёлкал по лбу, таскал за волосы. А она продолжала ходить за мной по пятам. Во время войны, когда наша мама заболела, она приходила к нам мыть пол и варить еду. Я запрещал ей: «Не ходи к нам», но она продолжала приходить. Однажды я поколотил её, но она снова пришла. После того, как мама меня опять отругала, я её больше не трогал, но доброго слова она от меня никогда не слышала. Но самое неприятное во всём этом было то, что наши матери

при встрече называли друг друга в шутку «святъями». Её мать издевалась надо мною, называя меня «зятком», а моя гладила девчонку по голове, приговаривая: «Ах, наша невестушка пожаловала». Кончилось тем, что мальчишки начали называть меня этим противным прозвищем — «зятёк». Так что я всерьёз решил отомстить соседке.

Однажды мы все вместе купались в озере, девочка подплыла ко мне, и я её утопил. Утопил, а сам выбрался на берег. Смотрю — а она уже на другом берегу — натягивает на себя платье, сшитое из грубой крашеной бязи.

В сорок восьмом году, окончив седьмой класс, я уехал в Казань и поступил на учёбу в ремесленное училище. Хотелось, конечно, продолжить учёбу в школе, но жизнь в деревне была очень трудной, да и отец не вернулся с фронта. Её отец, кстати, тоже не вернулся.

И вот накануне моего отъезда встречает она меня на улице и говорит: «Нурхамет, приходи вечером к роднику». В то время она уже не ходила за мной по пятам, а, наоборот, старалась держаться подальше. В те годы мы, видимо, рано взрослели, потому что в четырнадцать лет уже провожали девушек. Кажется, даже целовались украдкой. Я тогда ходил с девушкой по имени Диляфруз. Поначалу соседская девчонка упорно стояла каждый вечер у своих ворот и ждала, пока я провожу Диляфруз до её дома. Я возвращался, заходил в свои ворота, и только тогда соседка уходила домой. Потом она перестала показываться, и даже в школе, по-моему, старалась лишний раз не попадаться мне на глаза. Но, как бы она меня ни избегала, я постоянно чувствовал рядом с собой её присутствие. Словно стоит рядом и смотрит на меня широко раскрытыми глазами...

Сначала я и не собирался идти к ручью, но потом как-то само собой получилось, что я там оказался.

— Значит, уезжаешь? — спросила она.

— Да, уезжаю, — ответил я.

— Пиши мне, ладно...

— И ты позвала меня сюда, чтобы сказать это? — рассмеялся я. А она вдруг расплакалась. Плачет и плачет, и никакие мои призывы остановиться не слышит. Тогда я взял и ушёл. Хоть и молод был, но уже догадывался, почему она плачет. Но что я мог поделать — сердце моё молчало.

Уехав в Казань, я, конечно, не стал писать ей никаких писем. Впрочем, я и Диляфруз не писал. Казань оказалась гораздо интереснее деревни. Где там найдёшь время письма писать? Я и домой-то писал редко. Но эта, соседка моя, взяла у мамы адрес и начала сама слать мне письма. Каждые два дня я получал от неё письмо. Сейчас вот думаю и понимаю: те письма были похожи на письма взрослой девушки. Они были о любви. О том, как она меня любит. Я читал эти письма вслух своим друзьям — уже взрослым парням, и мы громко ржали. Между собой мы окрестили её «чокнутой». Когда ребята передавали мне её письма, то говорили: «Тебе письмо от твоей чокнутой».

Приезжая иногда в деревню, я говорил ей: «Не пиши мне».

Она отмалчивалась. Но стоило мне вернуться в Казань, как следом за мной сразу прибывало письмо.

Она писала мне долго. Со временем письма стали приходить реже, но все же приходили. Я уже завершил учёбу, начал работать. Несколько раз у меня менялся адрес, но она каждый раз узнавала его и снова присылала письмо.

Письма перестали приходить только после того, как я женился. Кто знает, может, она и продолжала бы их писать, но как-то раз, приехав с женой в деревню, я зашёл к ним и прямо попросил её об этом.

Когда я вошёл, она была в доме одна. Моё появление её не удивило и не обрадовало. Она сидела на кровати и смотрела на меня. Даже не поздоровалась в ответ.

— Наверно, ты знаешь, что я женился? — сказал я, но она молчала. — Ты теперь уже взрослый человек, понимаешь всё, так что заканчивай писать письма, — сказал я, но она молчала.

— Я не люблю тебя, знай — не люблю, не сходи с ума! Выходи за кого-нибудь за муж, разве мало парней вроде меня?! — сказал я, но она молчала.

Только когда я, попросившись, пошёл к двери, она вдруг сказала:

— Нурхамат, я всё равно буду тебя ждать.

Я посмотрел в её глаза и — испугался. Вы, писатели, наверно, можете объяснить это словами, но я не смогу. У неё были... какие-то странные глаза. Не как у живого человека. Такие глаза рисуют на русских иконах. Вроде они похожи на настоящие, и в то же время они тревожно-страшные, кажется, что они даже знают, о чём ты думаешь...

Так вот... Писем она больше не писала. Я даже начал забывать о ней. Мы с женой прожили уже около двух лет, когда однажды к нам зашёл один мой знакомый, с которым мы когда-то вместе учились в ремесленном. Мы были уже довольно на взводе, когда знакомый вдруг вспомнил о той «чокнутой», которая когда-то писала мне письма.

А жена будто только этого и ждала. С нею с этого момента прямо что-то начало происходить. Стоило нам чуть повздорить, как сразу же каждый раз всплывало имя той девушки. Чего только жена не выдумывала! Сначала я старался всё перевести в шутку, но вскоре было уже не до шуток. Мы начали ругаться всерьёз. И вот что интересно — каждый раз во время скандалов с женой на память мне стала приходиться та девушка. И начинало казаться, что если бы я женился на ней, то всё было бы не так, и мы были бы счастливы...

Скандалы, в конечном счёте, привели к разводу. Жена, прихватив детей, ушла к родителям — она была казанской. Я остался в общежитии.

Пожив некоторое время один, я пошёл к жене, поклонился ей в ножки, и мы ещё полгода прожили вместе, но потом снова разбежались. То, что разбилось, склеить оказалось невозможно.

Мама очень переживала из-за этого, но — что поделаешь? А однажды предложила:

— Может, женишься снова?.. — и назвала имя той девушки-соседки, — ведь она, кажется, тебя любила. Она и сейчас никуда не ходит, ни с кем не общается. Я слышала, к ней сватался один парень из соседней деревни, так она даже разговаривать с ним не стала...

Я, кстати, ещё до того, как мама заговорила о ней, подумал о том же. Но, сколько бы я ни думал, душа не лежала к ней, хоть убей!

Во второй раз я женился, когда мне было уже тридцать пять лет. На женщине с ребёнком. Так уж получилось. На работе сказали: если женишься, дадим квартиру, если нет — придётся ждать, ну, мы и расписались с одной женщиной, с которой вместе работали. До этого я к ней иногда захаживал. Она жила в общежитии со своей трёхлетней дочкой. Поженились. Дали нам двухкомнатную квартиру. Начали мы жить.

Женщина оказалась работающей. Да и мне одиночество порядком надоело. Жили мы неплохо. Родилась дочка. Но... уж если не заладится жизнь... Жена почему-то не любила младшую дочь. Когда ребёнок немного подрос, это стало особенно заметно. Подойдёт девочка к матери, а та её отталкивает. А сама так и крутится вокруг своей старшей дочери. И нахваливает её. Я однажды сказал ей:

— Ты почему нашу дочь отталкиваешь от себя?

А она даже скрывать не стала:

— Она мне почему-то чужая.

Я был в замешательстве. Пытался уговорить её. Но она так и не смогла полюбить девочку.

Дочка тоже, видимо, чувствовала, что мать её не любит, и всё больше тянулась ко мне. И стали мы жить под одной крышей как две семьи. Она — со своей дочерью, я — со своей.

Не знаю, сколько бы это продолжалось, но вопрос внезапно разрешился из-за болезни моей матери. Я привёз её в Казань.

После приезда матери прошло дня три-четыре. И однажды жена со своей дочерью не вернулись домой. Никакого скандала не было, она была очень спокойной женщиной. Интересно то, что я не стал её искать, а дочка о ней даже не вспомнила. На заводе я заглянул в цех, где работала жена, и мне сказали, что она уволилась, немало удивившись тому, что я об этом не знаю.

Вот такие дела... Мать прожила недолго. Похоронил я её в деревне. Когда хоронил, очень помогли соседи. Маму обмывала мать той самой девушки. Сама она из дома так и не вышла... Я подумал, что она, видимо, наконец-то забыла обо мне.

После похорон матери жена всё равно не нашлась. Я пытался искать, — но мне сказали, что в Казани её нет. Начали мы жить с дочкой вдвоём. Через год я получил из Тюмени письмо: жена писала, что нам надо развестись. Надо так надо, я ничего выяснять не стал. Обменялись письмами, сделали всё необходимое и разорвали отношения. Всё очень спокойно и тихо. Одно удивительно: она на нашу дочь даже не посмотрела: то ли она есть, то ли нет её. Я, кстати, у врачей хочу об этом спросить: отчего так бывает? Ведь это её собственная дочь!

Мне тогда было уже 46 лет. Я работал, дочка училась, дел хватало. Смотреть по сторонам времени не было. А дочку я любил без памяти. К старшей дочери ходил иногда, она уже была большая, со мной общаться не очень хотела. А её мать так замуж и не вышла.

Я предлагал ей: «Может, попробуем снова жить вместе?»

Но она отказалась. Причину объяснять не стала, просто сказала: нет.

Так мы и жили потихоньку, пока однажды к нам в дом не заявила наша соседка из деревни — мать той девушки.

— Еле тебя нашла, Нурхамат, — сказала она. — У меня большое горе: дочь болеет, врачи сказали, что ей недолго осталось. Она и сама это знает. Хочет тебя повидать перед смертью. Ради бога, приезжай...

Поехали мы с дочкой. Зашли к ним в дом. Лежит она на кровати. Осталось от неё — кожа да кости, да ещё глаза...

Подошёл я к ней.

— Приехал? — говорит она.

— Приехал, — отвечаю, — как себя чувствуешь?

— Сам видишь, спасибо, что приехал, — говорит она и просит мать увести мою дочку.

Когда они вышли, она и говорит мне:

— Сядь рядом со мной, Нурхамат.

Я сел.

— Я ждала тебя, — говорит она. — Я на тебя не обижаюсь и зла не держу. Жаль только, что и ты не смог счастливым стать... Прощай. Только прошу, исполни одну мою просьбу: если не брезгуешь, погладь меня по волосам.

Тут сердце моё защемило, на глаза слёзы навернулись. Я положил руку на её начинающие сесть волосы. Погладил и... почувствовал, что не могу отвести руку.словно всё моё тело, душу пронизал какой-то ток. Сам плачу, сам глажу её по волосам и твержу:

— Нет, нет, ты не умрёшь, не умрёшь...

Мне вдруг стало страшно. Показалось, что если она умрёт, то весь мир рухнет. И такой близкой она мне вдруг стала. словно я всю жизнь искал её по всему миру

и теперь, наконец, нашёл. Некоторое время она смотрела на меня спокойным взглядом, а потом закрыла глаза. Я выбежал на улицу, позвал её мать.

Мать вбежала, наклонилась над дочерью... И сказала:

— Кажется, она заснула.

Мы переночевали у них. В одной комнате — она с матерью, в другой устроились мы с дочерью. Дочка всё спрашивала у меня: кто эти люди, что это за женщина?..

И я рассказал ей, как сказку, историю нашей любви. В этой сказке выходило, что и она, и я — несчастные влюблённые, которые никак не могли соединиться. Дочка слушала меня с удивлением, потому что никогда раньше не видела меня в таком состоянии.

На следующий день нам пора было уезжать, но я решил остаться, потому что не смог уехать. Мы прожили у них одну неделю, потом вторую... Жили, пока она не начала выздоравливать.

А вот это уже можно было назвать чудом: к удивлению врачей, она выздоровела. Когда мы уезжали в Казань, она вышла к воротам проводить нас и поблагодарила.

Вернувшись в Казань, я через некоторое время вдруг обнаружил, что не могу найти себе места. Я всё время думал о ней, видел её в снах. Словно мне семнадцать лет, и я впервые влюбился. Хотя... ведь это и в самом деле было впервые! Разве я был хотя бы раз влюблён? Ведь нет!

В конце концов, посоветовавшись с дочкой, я поехал в деревню. Сказал соседке о причине своего приезда. Дочери её в тот момент дома не было.

— Даже не знаю, что сказать, — ответила соседка, — она ведь странная. Поговори с ней сам, вы же не чужие друг другу...

А мне даже не пришлось ничего говорить.

— Я тебя ждала, — сказала она.

Вот такой театральный поворот произошёл в наших судьбах.

С тех пор вот и живём. Уже десять лет вместе. Можешь не верить — дело твоё, но оказалось, что до этого я и не жил вовсе. Впрочем, это уже другая история...

КЛАВДИЯ СЕМЁНОВНА

Я тогда... на железной дороге работал. Был даже своего рода начальником. На-виделся всякого. Видел и тех, кто грузил народ толпами в вагоны, и тех, кто ожидал погрузки. Я этих «врагов народа» со своего вокзала целыми составами провожал. Вот вам сейчас легко судить, где «лево», а где «право», но ведь в те годы многие верили в существование «врагов народа». Ну, и я в том числе. Не знаю, просыпалось ли во мне чувство жалости, когда этих «врагов» загружали в вагоны... Наверно, нет.

Впрочем, речь не об этом. Хочу рассказать тебе одну историю, связанную с «врагами народа».

Это случилось где-то в сороковых годах. Как-то вдруг начали ко мне приходиться с жалобами жёны наших работников. Мол, «муж гуляет, примите меры». Мне с грехом пополам удавалось уговорить этих женщин, и я выпроваживал их, потом вызывал их мужей и давал им как следует нагоняй. Как говорится, кто же станет гулять, а потом рассказывать об этом своей жене?.. Эти мужики вроде бы и жёнам своим ничего не рассказывали, но те были в курсе всего. Двум-трём коммунистам пришлось даже партийный выговор вклеить. Ты, наверно, представляешь себе, что такое выговор в те годы?.. Сейчас выговор — это совсем не то. Сегодня вклеят, а завтра забудут. А тогда вместе с выговором могли запросто и приговор вынести. Короче говоря, мы

принимали все меры, а наши мужики гуляли всё больше и чаще. Сидим мы с парторгом и удивляемся: что за эпидемия такая?.. А в один прекрасный день ко мне с жалобой на мужа пришла жена парторга, и тогда я окончательно растерялся. Вызвал парторга к себе, запер дверь кабинета и спрашиваю:

— Это правда?

Молчит.

— Эх, — говорю, — мать твою растак!.. Ты хоть понимаешь, что делаешь? Неужели ты ради этого станешь головой рисковать?

Это сейчас за измены не наказывают, а тогда за разрушение советской семьи за просто могли припаять аморалку.

Испугался он.

— Ради бога, Мидхат Шаяхметович, не губите — обещаю, это в первый и последний раз.

Прочитал я ему нотацию, а потом спросил:

— Жена-то как узнала?

— Письмо получила.

— От кого?

— Ну, от неё... с которой я был.

— И что она написала?

— Ну, что... Что в такой-то день, в такой-то час ваш муж был со мной...

— Она и имя своё написала?

— Имени нет. Но почерк знакомый. Я узнал. Всё точно написала.

— И кто же это?

Смотрю — он отмолчаться хочет. Отворачивается. Но прикрикнул — и он сразу заговорил.

— В бухгалтерии она сидит.

— В бухгалтерии их четверо сидят. Которая? — спрашиваю.

— Клавдия Семёновна... Клава...

Я мысленно начал представлять себе женщин из бухгалтерии. Ага, там в стороне от всех, за шкафом, молча сидит одна. Значит, вот кто... Смотри-ка, а выглядит очень замкнутой. Как же, думаю, ей удалось вскружить голову парторгу и, главное, зачем она письмо написала?..

Начал я расследование. Вызвал по очереди мужиков, которые попались на этом деле, расспросил каждого.

— Как жена узнала об этом?

Все говорят: было письмо. И все называют одно имя — Клавдия Семёновна.

Всё это показалось мне очень забавным. Знавал я гулящих женщин. Но никогда не встречал таких, чтобы они письма писали жёнам тех, с кем гуляют. И подумал я: что-то здесь кроется. Достал личное дело этой Клавдии Семёновны. Оказалось, что ей двадцать восемь лет. Работает у нас около года. Раньше нигде не работала. Закончила университет. Это показалось странным. Как можно с университетским образованием сидеть в нашей бухгалтерии простым экономистом?.. Была замужем. Мужа в тридцать седьмом осудили. Где же тут собака зарыта?.. И тогда решил я её вызвать и лично поговорить.

Вошла она в кабинет. Смущённо присела на краешек стула. Глаз не поднимает.

— Здравствуйте, Клавдия Семёновна! — говорю я.

— Я с вами поздоровалась, когда вошла, — отвечает.

Я, Туфан, скрывать не стану — стоило мне услышать её голос, как со мной что-то произошло. Это сейчас я сморщенный старик, а тогда мне было всего тридцать лет. Такого голоса мне никогда не приходилось слышать. Во мне вся кровь вдруг взыграла.

Я даже заикаться начал. Кое-как собрал я волю в кулак. Но всё равно толком ничего сказать не могу, и голос у меня стал каким-то писклявым.

— Как поживаете, Клавдия Семёновна? — спрашиваю я.

— Спасибо. Не жалуюсь, — отвечает она скромно и мелком взглядывает на меня...

Тут я пропал окончательно — просто растаял, исчез... Я в жизни своей многих женщин видывал. Вы только не подумайте что-нибудь эдакое, я имею в виду — встречал. Я всегда был порядочным человеком и считал, что никого лучше моей жены нет. Это — во-первых. Во-вторых, я раз и навсегда взял себе за правило, что иметь любовницу — это безнравственно. Очень идейным был...

И вот у такого человека всё в голове перемешалось от одного только взгляда этой Клавдии Семёновны... Клавы...

Остальное я уже и не помню. Очнулся в постели у Клавы. И только тогда до меня дошло, кто я и чем я здесь занимаюсь.

— Бойтесь? — Вопрос прозвучал столь неожиданно, что я вздрогнул. Посмотрел внимательно ей в лицо. Ничего особенного. Мы встретились глазами. И я содрогнулся... Таких злых глаз я никогда не видел. От того её взгляда, которым она смотрела на меня в кабинете, не осталось и следа. Я вскочил и начал спешно одеваться. Клавдия рассмеялась:

— Не волнуйтесь, до конца рабочего дня есть ещё два часа. Так что успеете и на работу прийти, и домой вовремя вернуться...

Ты спросишь, наверно, что было потом?.. Ей-богу, ты прав — я встал перед нею на колени.

— Ради бога, отдам всё, что захочешь, только не говори моей жене и никому другому, — взмолился я. Сейчас уже и не помню, что я там ещё наговорил. В общем, унижался как мог. Помню до сих пор: сидит она на кровати, волосы растрёпанные и — смеётся. И ничего не говорит.

Что же мне оставалось делать? Раз не вышло уговорами, принялся я её стращать.

— Того, что здесь было, никто не видел. Ты не сможешь ничего доказать, — сказала я.

Ты вот, Туфан, смеёшься. А если бы ты сам тогда попался, то тебе тоже было бы не до смеха. Дело ведь здесь даже не в жене, с нею я как-нибудь договорился бы... Но была другая сторона. Я уже говорил.

И что ты думаешь, эта Клавдия Семёновна очень испугалась?..

— А почему я ушла с работы пораньше? А вы куда пропали в рабочее время? Кто вызвал меня к себе в кабинет?.. — рассмеялась она. И смех этот был совсем не таким, как в кабинете, когда я её за руку брал. Это был смех, от которого стыла душа.

Почувствовав себя загнанным в угол, я сказал:

— Кто вам поверит? Я скажу, что это клевета.

И, представь себе, что она сделала! Ни за что не догадаешься. Хоть и стыдно, но признаюсь. Впрочем, теперь уже и не стыдно... Она достала из-под подушки... мои трусы... Я, когда в спешке брюки надевал, не заметил, что трусов нет. Тут уж я по-настоящему скис. И, казалось бы, чего проще — протяни руку да отними у неё. Куда там!..

— Если подойдёшь, я закричу, — говорит она мне.

А жила она в коммунальной квартире. Стоило ей крикнуть, как сразу человек десять обязательно прибежали бы.

Сколько ни пытался я её уговорить, Клава так и не смягчилась. Более того, она меня просто-напросто выгнала, можно сказать — вытолкала взащей.

Что делать? Поразмыслив, я решил, что, пока жена не получила письмо, лучше всё ей рассказать самому. Склонённую голову меч не сечёт — повинился я жене во всём. Она у меня умница — скандалить не стала. А собрала мне вещички и отправила в баню. В ту ночь и потом ещё две-три недели она спала отдельно от меня.

А Клавдия Семёновна на следующий день сама попросилась ко мне на приём.

— Если вы вздумаете меня увольнять, пожалеете... — предупредила она.

Какое там увольнять! Некоторое время я ходил тише воды, ниже травы, а потом сам уволился. Клавдия Семёновна осталась. Позже я узнал — она тоже долго не за сиделась, арестовали её.

Узнав об этом, я снова перепугался. Ну, всё, теперь она всех выдаст и нас заберут, — думал я. Но как-то обошлось.

А потом началась война...

Я вижу, ты собираешься спросить, зачем эта Клавдия Семёновна так поступила?

Я и сам много думал об этом. А узнал недавно. Жена рассказала. Теперь она уже старая. Когда начали много писать и говорить о репрессиях, о Сталине, старуха моя как-то вдруг говорит:

— Помнишь, ты как-то связался с одной женщиной? А ведь она мне тогда письмо прислала. Я тебе не стала об этом говорить и пошла к ней домой. Сначала она не хотела даже разговаривать со мной... Но потом, слово за слово, мы разговорились... И она объяснила, почему сделала это ... «Моего мужа забрали, а ваши — рядом с вами, — сказала она. — Что, нравится лежать в объятиях мужа? Я бы тоже этого хотела, но моего мужа расстреляли... Поэтому никому из вас я не дам спокойно лежать в постели с мужем. Не позволю...».

Старуха моя рассказала, что эта Клавдия Семёновна и кричала, и рыдала, и обнималась, в общем, чего только там не было.

Вот так-то, Туфан. И такое случалось в то время. Имей в виду, что я никогда прежде не рассказывал этого. Теперь уже можно, теперь уж время пришло умирать...

ЧЬЯ ЛУНА?

Наступила осень. Душа не находит себе места — так беспокоится скакун, почуявший приближение сабантуя... Моя рука невольно тянется к перу. Ведь осенью я обыкновенно часто и много пишу. Душа куда-то рвётся. Глаза устремляются в небо. В московском небе они ищут луну... Вот, кажется, и она... Но нет, это не луна, лишь свет её, запечатлевшийся в моей душе...

В последнее время в моём дневнике становится всё больше исписанных страниц. Когда не пишется, это, наверно, становится одной из форм самоутешения.

Постой, а почему я написал: «Чья луна?»... Ах, да, об этом мне вспомнилось, когда я искал луну в московском небе...

Много лет назад я попал на одну деревенскую свадьбу. Кажется, я там был в командировке, вот меня и пригласили. Помнится, то ли отец невесты, то ли отец жениха был человеком, самозабвенно влюблённым в театр. Он с почётом усадил меня во главе стола, угощал от души, ну, и сам хорошо «угостился».

Почувствовав, что «угощение» превысило все допустимые пределы, я улучил момент и вышел во двор подышать. Стояла чудная осенняя ночь. Всё небо было усыпано звёздами, в стороне висела полная луна. В доме шумела свадьба. В доме лилась песня. Каждый пел по-своему, в меру дарованного ему Всевышним голоса и чувства. Моя душа наслаждалась отдыхом. Лунный свет словно смывал с неё нравственную копоть города.

И вот пока я так сидел в сторонке, наслаждаясь ночью и радуясь встрече с самим собою, из дома вышли двое и присели на ступеньки крыльца. Закурили. Оказалось, что это два новоиспечённых свата.

— Да, брат... — заговорил тот, что пригласил меня на свадьбу — хозяин дома. — Кто бы мог подумать, что мы с тобой сватами станем, а?.. Давно ли сами парнями были.

Помнишь, я как-то пришёл к вам в деревню с девушками знакомиться, а ты чего-то распустился и привязался ко мне?..

— Э-э, нашёл о чём вспоминать, — отвечает другой сват.

— Нет, это я просто так говорю. Ради смеха. Я зла не держу!.. У нас в деревне вообще люди незлопамятные... Давай, сват, споем вместе...

И мужчина, не дожидаясь ответа, затянул песню. Голос у него был глубокий и чувственный. Содержание песни я не запомнил. Но там было слово «луна». Это у меня чётко отпечаталось в памяти, потому что хозяин, не допев песню до конца, вдруг сказал:

— Ты посмотри на луну, сват. Видишь, какая у нас луна? Это, сват, совсем не та луна, что светит в вашей деревне.

Сват оказался человеком рассудительным и делить луну не собирался. Он лишь усмехнулся:

— Луна везде одинакова.

— А вот и нет, сват. У нас в деревне луна настоящая. Ты только посмотри на неё. Она ведь настоящая, да?

— Да и у нас в деревне та же луна, сват.

— Нет, сват, ваша луна не настоящая. Знаешь, почему? Ваша деревня лежит на дне оврага. И вашей луне приходится продирается через овражки да канавы. Пока она выберется, уже вся бывает искалеченная. А у нас луна всходит на открытом месте: сначала садится на краю поля, наряжается, прихорашивается и потом, радостная, поднимается на небо. Ты посмотри на неё, сват. Разве в вашей деревне луна такая? Не цените вы свою луну.

— Болтаешь всякую ерунду, — отвечает ему сват. — Ты о чём? Как это мы не знаем ей цену?..

— Не знаете, разве можно пропускать луну через какие-то ямы и овраги? Это же луна, сват... понимаешь ты, луна! Ей простор нужен! Знаешь, для чего луна поднимается над землёй? Для того чтобы мы восхищались её красотой. Вон, посмотри, все дома в нашей деревне освещены одинаковым светом. Почему, спросишь? Потому что мы её любим! А вы

— спрятались от неё, вы построили свою деревню на дне ямы. Поэтому луна быстренько проходит над вашей деревней и потом долго стоит над нашей.

— Ну, ты и загнул! — сердито ответил ему другой, плюнул на кончик своей папиросы, отбросил её и ушёл в дом.

А хозяин дома ещё долго сидел недвижимо и смотрел на луну. Потом спел ещё какую-то песню, в которой упоминалась луна. Снова с нею разговаривал...

И тут случилось какое-то волшебство. Луна, услышав его ласковые слова, улыбнулась.

Да, да, я видел это своими глазами — она улыбнулась. И лик её стал ещё светлее. Кто знает, может, она даже заговорила, потому что хозяин дома начал кивать и поддакивать ей. Но только я не слышал, что говорила луна. Наверно, мои уши не были настолько чуткими, чтобы услышать слова луны.

Из дома вышла жена хозяина.

— Иди в дом, там тебя уже потеряли, — сказала она и вышла на середину двора: — О Аллах, ты посмотри, какой яркий свет от луны!

— Конечно! Это же наша луна, — сказал хозяин. — Если хочешь знать, такой луны больше нигде нет.

— Родственники невесты что-то заскучили, даже песни не поют, — сказала женщина.

— Как же им петь и что им петь?! Ведь они даже нормальной луны никогда не видели. Человек, который луну свою не любит, разве петь умеет?

И он снова затянул песню. Жена ему вторила. Так, с песней, обнявшись, они и ушли в дом.

А луна с улыбкой провожала их. Ей-богу, я видел это собственными глазами.

Эх, сейчас бы в деревню! Интересно, как там наша луна? Не грустит ли? Ведь такой луны, как у нас, нигде больше нет. Она поднимается над крутым берегом Волги, садится на вершину горы, чтобы немного перевести дух, наряжается, прихорашивается и потом поднимается, улыбающаяся, в небо.

А я, безумец, пытаюсь отыскать нашу деревенскую луну в московском небе. Она же не настолько глупа, как я, чтобы мыкаться в городе. Уж наша-то луна цену себе знает.

Переводы Гаухар Хасановой

РУБАИ

* * *

Молодою весной, в благодатных лучах,
Пробегала красавица с жаром в очах,
Два влюблённых с восторгом за нею бежали —
Это были глаза мои в толстых очках...

* * *

«Сладко веет весною, — поэт написал, —
Соловьями, черёмухой», — он написал.
Я же, бедный, не зная красивых сравнений,
«Веет юной соседкой», — вчера написал...

* * *

До чего хороша — всё на свете забыл!
Отвернуться — и то не хватает мне сил...
Сохрани тебя жизнь от ревнивого мужа,
Чтоб он хрупкую эту красу не разбил!

* * *

Ах, любимая, сон не избавит от дум,
Где на грудь твою голову нежно кладу.
Просыпаясь, ищу подтверждения грёзам —
Но ни складки на простыне я не найду.

* * *

Ах, плутовка! Ты словно колодец с водой,
От которого спрятали ключ золотой.
Я поник — все попытки открыть бесполезны —
Засыхает без влаги побег молодой.

* * *

Я увидел тебя — покачнулся порог:
Скачет сердце, а сам я не чувствую ног.
Полежать бы, прекрасная, только лишь ночку
На груди твоей,
зайцем свернувшись в клубок.

* * *

Нужен муж для жены и для мужа жена,
Для акына толпа восхищённых нужна.
А понять рубаи, что написаны глупым –
Нужно море безумства и каплю ума.

* * *

Ты стареешь. Уходят и годы, и слух.
Мёрзнут ноги, когда на дворе жаркий дух.
Это всё ничего, но гораздо страшнее –
Безответно влюбляться во всех молодых.

* * *

Разъярился и палку метнул в петуха:
Твоя доля, каналья, совсем не плоха.

Как же можно стерпеть, что невестами ходят
Столько куриц вокруг одного жениха!

* * *

Как увижу красу – учащается пульс,
И горячей рукой я за счастьем тянусь.
То за счастьем тянусь, то отдерну я руку –
Не посыпался б старый песок мой, боюсь.

* * *

Разговор наш, мадам, обозначить пора:
Бог тебя сотворил из мужского ребра.
Вот его-то как раз мне сейчас не хватает –
Возвращайся на место своё, будь добра!

Перевела Галина Булатова